УДК 159.922.4-053.81 DOI 10.31429/26190567-27-2-82-98

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ФАКТОРОВ ЭГО-ИДЕНТИЧНОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Е. В. Харитонова, Б. Н. Ивко

Харитонова Евгения Владимировна
Эл. почта: veha_2000@mail.ru. ORCID 0000-0002-8222-2162

Ивко Богдан Николаевич
Эл. почта: ivkobogdan@yandex.ru. ORCID 0009-0003-1877-0062

Кубанский государственный университет, Ставропольская ул., 149, Краснодар, 350040, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования этнических особенностей культурных ценностных факторов эго-идентичности личности в юношеском возрасте. Показано, что в условиях глобализации и усиления межкультурных взаимодействий изучение этнических особенностей формирования эго-идентичности приобретает особую значимость. Эго-идентичность как ключевой компонент личности определяет её целостность, устойчивость и способность адаптироваться в социуме. Ценностные факторы, лежащие в её основе, во многом обусловлены этнокультурным контекстом. Гипотеза исследования: можно предположить, что имеются этнические особенности ценностных факторов эго-идентичности личности в юношеском возрасте. В исследовании были использованы опросник «Исследование структуры эго-идентичности. СЭИ-тест» (Солдатова, 2015) и «Опросник культурных ценностных ориентаций» (Ш. Шварц, в адаптации Н.М.Лебедевой, 2004). Выборка: 120 чел. (по 20 юношей и 20 девушек русской, армянской и адыгской национальностей; возраст 18–23 года). В иследовании показано, что структура ценностно-идентичностных связей исследованных армян, армянок и большинства адыгеек (Кластер 1) — дифференцированная, эклектичная, где ценности могут по-разному влиять на разные статусы; у русских юношей и девушек (Кластер 3) — тотально диффузная, кризисная; у адыгов и части адыгеек (Кластер 4) — конфликтная, с чётким противостоянием модернистских и традиционных ценностей, причём зрелость достигается через традицию. Выявленные особенности позволяют расширить имеющие представления об этнических особенностях эго-идентичности и культурных факторов, на него влияющих. Результаты эмпирического исследования доказывают необходимость учета этнических и гендерных особенностей студентов при организации психологического сопровождения процесса формирования эго-идентичности.

Ключевые слова: эго-идентичность, культурные ценности, этнические группы, юношеский возраст.

Для цитирования: Харитонова Е. В., Ивко Б. Н. Этнические особенности ценностных факторов эго-идентичности в юношеском возрасте. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2026. Т. 27. № 2. С. 82–98.

Введение

Современное общество сталкивается с ростом миграционных процессов, межэтнических конфликтов и кризисов идентичности, что повышает потребность в понимании механизмов сохранения и трансформации этнической идентичности. В условиях глобализации и усиления межкультурных взаимодействий особую значимость приобретает изучение этнических особенностей формирования эго-идентичности (Антух, 2020; Павлова, Дагбаева, 2024). Эго-идентичность как ключевой компонент личности определяет её целостность, устойчивость и способность адаптироваться в социуме (Солдатова, 2007, 2015). В связи с постоянным изменениями и трансформацией процесс формирования идентичности носит длительный дискретный характер и отличается выраженной поисковой направленностью,

обусловленной позиционированием индивида в окружающем мире (Савина, 2011). При этом ценности предстают как ключевой регулятор социального поведения и индикатор культурных изменений (Саткангулова, Константинов, 2024). В последние годы интерес к связи параметров ценностной сферы и идентичности у разных этносов резко вырос, особенно в рамках студенческого возраста (Величко, 2021; Гончар, 2023; Ерина, Абдуллаева, 2023; Охотникова, 2016; Торабаева, 2023 и др). В частности, ряд исследователей пишут о необходимости более углубленного понимания молодежной культуры, взаимопонимания между разными этническими группами в современном обществе (Павлова, Дагбаева, 2024).

Степень разработанности научной проблемы

Автор концепции жизненного пути и основоположник теории идентичности Э. Эриксон, определяя «эго-идентичности» как ощущение тождественности самому себе, целостности и веру в свою социальную роль, подчеркивал, что формирование личности возможно только внутри определенной групповой идентичности. Согласно Э.Эриксону, устойчивая идентичность формируется через разрешение конфликта между личными стремлениями и социальными ожиданиями (Эриксон, 1996). Дальнейшее развитие эта теория получила в работах Джеймса Марсиа (Марсиа, 1966), предложившего модель статусов идентичности (диффузная, предрешенная, мораторий, достигнутая). Важнейшими периодами формирования эго-идентичности является подростничество и юношеский возраст. Открытие своего внутреннего мира и своей позиции являются центральным психологическим приобретением личности при благоприятном течении кризиса и достижении автономии в эго-идентичности в юношеском возрасте. Диффузия эго-идентичности приводит к неуверенности в половой, ролевой, этнической и иной идентичности (Ермолова, 2023). Е. Л. Солдатова отделяет определенную последовательность статуса эго-идентичности от предрешенной идентичности, связанной с открытием новой, соответствующей задачам нового этапа, идеальной формы на первом этапе кризиса через диффузию — «размывание идентичности на собственно критической фазе кризиса при встрече Я-идеального и реальности ведет к достигнутой эго-идентичности как обязательному условию перехода в стабильный этап развития с проявленностью моратория (отсутствия мотивации к изменениям)» (Солдатова, 2006). При этом «кризис идентичности» отдельного человека тесно взаимосвязан с современными ему историческими кризисами (Эриксон, 1996). В качестве основных подходов, показывающих выраженную взаимосвязь этих разных аспектов идентичности, можно выделить: теорию идентичности Э. Эриксона, рассматривающего идентичность как продукт взаимодействия индивида с социальной средой и культурными нормами (Эриксон, 1996); конструктивистский подход, в рамках которого этническая идентичность предстает как один из определяющих социальных конструктов, возникающих в процессе субъективного отражения и активного построения индивидом социальной реальности; когнитивно-эмоциональный подход, в котором этническая идентичность предстает как результат осознания индивидом своей принадлежности к определённому этносу и как переживание отношения «Я» и этнической среды (Стефаненко, 2014).

Показано, что в западных культурах идентичность строится вокруг автономии и личных достижений, а национальная культура в большей степени соотносится с политической и экономической сферами развития, тогда как в восточных — вокруг групповой принадлежности и социальных связей, а национальная культура

соотносится с ее духовной сферой, формирующейся в длительном процессе ее генезиса (Костина, 2009; Mann, 1993). Согласно Ш. Шварцу, в связи с различными экзогенными факторами (адаптацией обществ к эпидемиям, технологическим развитием, контактом с другими культурами и др.) ценностные установки культуры постоянно меняются (Шварц, 2008). Ценностные аспекты эго-идентичности раскрываются в теории семи культурных ценностных ориентаций Ш. Шварца, выделяющего эти ориентации из априорного теоретизирования о возможных социальных ответах на ключевые проблемы: 1) определение природы отношений и границ между личностью и группой (автономия против принадлежности); 2) обеспечение ответственного поведения, сохраняющего социальное устройство (равноправие против иерархии); регуляция использования людьми человеческих и природных ресурсов (гармония против мастерства) (Шварц, 2008). В исследованиях Н. М. Лебедевой показано, что ценности интеллектуальной и аффективной автономии и мастерства как ценности независимости и активности индивида способствуют экономическому развитию нашей страны, а ценности принадлежности и иерархии препятствуют экономическому развитию и негативно связаны с уровнем психологического благополучия личности (Лебедева, 2008). С. А. Гасановой выявлены особенности взаимосвязи этнической идентичности и ценностно-смысловой направленности студентов разных национальностей, позволившие сделать ученому вывод о значительной дифференциации психологических закономерностей соотношения этнической идентичности и ценностно-смысловой сферы личности (Гасанова, 2023). Г. Ж. Саткангуловой показано, что различия в характеристиках этнической идентичности и ценностных ориентаций представителей разных этносов обусловлены типом проживания, а также этнической принадлежностью в определенной этнокультурной среде (Саткангулова, Константинов, 2024). Несмотря на признание со стороны многих авторов актуальности исследования ценностных факторов формирования идентичности у разных этносов на фоне выраженных глобализационных процессов, наблюдается дефицит научных знаний в области культурных ценностных факторов формирования эго-идентичности студентов с учётом возраста, сензитивного к освоению и принятию ценностей для жизни в поликультурном пространстве.

Все вышеизложенное обусловливает актуальность нашего исследования. Проблема исследования заключается в недостаточной изученности этнических особенностей ценностных факторов эго-идентичности личности, что затрудняет понимание того, как сформированные в процессе онтогенеза культурные ценности влияют на процесс формирования эго-идентичности в юношеском возрасте. Изучение этнических особенностей эго-идентичности в контексте культурных ценностей требует интеграции нескольких теоретических подходов, охватывающих психологию личности, кросс-культурные исследования и социокультурные механизмы формирования идентичности.

Теоретико-методологические основы и методы исследования

Цель нашего исследования состояла в выявлении этнических особенностей взаимообусловленной связи параметров эго-идентичности и культурных ценностей. Гипотезой проведенного исследования выступило предположение о том, что имеются этнические особенности ценностных факторов эго-идентичности личности в юношеском возрасте.

В качестве теоретико-методологических оснований нашего исследования выступило представление Е. Л. Солдатовой о процессе формирования эго-идентичности как основном психологическом содержании и новообразовании нормативных кризисов развития личности на этапах взрослости. На процесс формирования эго-идентичности как тождественности себе измененному в результате глубоких преобразований социальной ситуации развития влияют как выработанные в культуре возрастные задачи развития личности, так и соответствующие структурно-личностные преобразования, происходящие в кризисах. Для оценки особенностей эго-идентичности был взят опросник «Исследование структуры эго-идентичности. СЭИ-тест» (Е. Л. Солдатова, 2015). Опросник представлен 50 высказываниями, объединенными в тройки, и включает в себя семь содержательных шкал, отражающих отдельные сферы самоопределения (Тс – ответственность за выбор, СЭ — самодостаточность, ОЖ — осознанность жизненного пути, ЭЗ — эмоциональная зрелость, ПН — принятие настоящего, ОЦ — осознанность ценностей, СС — соответствие себе). Дополнительно рассчитывается общий показатель по трем статусам: предрешённый (фиксация, незрелый), диффузный (сомнение, незрелый), автономный (зрелый, результат успешного кризиса).

Для оценки культурных ценностных ориентаций был взят опросник Ш. Шварца (2004). В рамках культурно-универсального подхода Ш. Шварц рассматривает культурные ценности как базовые элементы культуры, предполагая, что измерение культурных ценностей отражает альтернативные решения трех основных проблем, встающих перед всеми обществами. В 2007 г. методика была адаптирована Н. М. Лебедевой (Лебедева, 2007). Методика включает 57 ценностей, которые респонденты оценивают по 7-балльной шкале по степени важности для себя.

Организация и дизайн исследования

В исследовании приняли участие 120 чел., из них 20 юношей и 20 девушек русской национальности, 20 юношей и 20 девушек адыгской национальности, 20 юношей и 20 девушек армянской национальности. Возраст респондентов от 18 до 23 лет, средний возраст — 20,64 года. Все респонденты являются студентами различных вузов г. Краснодара и длительно проживают на территории Краснодарского края.

Дизайн исследования включал три этапа.

1. Проверка однородности этнических выборок по полу — с использованием *t*-критерия Стьюдента (при нормальном распределении) или U-критерия Манна — Уитни (при нарушении нормальности), с предварительной проверкой дисперсий по F-критерию Ливиня. В каждой этнической группе обнаружены статистически значимые различия между юношами и девушками по большинству параметров ($p<0,05$), что подтвердило невозможность объединения по этническому признаку и необходимость кластеризации.

2. Кластерный анализ — для укрупнения групп, однородных по структуре идентичностных параметров, независимо от этнической принадлежности и пола. Переменные стандартизированы (Z-преобразование). Применён иерархический кластерный анализ (метод Уорда, квадрат евклидова расстояния). Оптимальное число кластеров определено по дендрограмме и коэффициенту агломерации. Устойчивость проверена методом k-средних. Выделены 4 кластера: три с достаточной численностью (N=53, 36, 27) и один малочисленный (N=4, русские девушки), исключённый из факторного анализа как маргинальный.

3. Факторный анализ внутри кластеров (метод главных компонент с варимакс-вращением). Для каждого кластера проведены два факторных анализа: (а) с интегральными статусами СЭИ и ценностями; (б) с субшкалами СЭИ и ценностями. Интерпретация факторов основана на нагрузках >0,5 (факторообразующие >0,7). Для проверки устойчивости рассчитаны корреляционные матрицы Пирсона. Ввиду разведочного характера факторные решения рассматриваются как гипотетические модели, требующие подтверждения. Соотношение наблюдений к переменным составило от 1,5:1 до 3:1, что приемлемо для разведочного анализа при условии высоких нагрузок. Для всех кластеров значения КМО >0,6, критерий сферичности Бартлетта значим (p<0,001), что подтверждает пригодность данных для факторизации.

Результаты исследования

Этап 1. Сравнительный анализ параметров эго-идентичности и культурных ценностей.

В табл. 1 представлены результаты сравнительного анализа выраженности статусов эго-идентичности у юношей и девушек разной национальности.

В трех выборках независимо от пола при средней выраженности автономного статуса выявлены высокие показатели предрешенности. На фоне средних значений у русских юношей диффузного статуса у армян и адыгов выявлены его повышенные показатели. При этом у русских девушек выявлены также высокие показатели, а у армянок повышенные показатели диффузного статуса эго-идентичности. В целом между юношами и девушками русской и армянской

Таблица 1. Средние значения параметров эго-идентичности у юношей и девушек разных национальностей

Table 1. Mean Values of Ego-Identity Parameters among Young Men and Women of Different Nationalities

Национальность	Статус	Юноши		Девушки		Показ.стат. разл.	
		Средн.	Стд. откл.	Средн.	Стд. откл.	*t*	*p*
Русские	Пр	16,75	2,381	18,00	4,645	1,071	0,291
	Дф	**14,45**	**2,502**	**18,30**	**5,877**	2,696	0,010
	Ав	18,95	2,481	16,95	4,685	1,687	0,100
Армяне	Пр	**24,15**	**3,514**	**21,30**	**2,958**	2,775	0,009
	Дф	19,15	3,660	17,95	4,774	0,892	0,378
	Ав	23,30	3,585	23,65	3,281	0,322	0,749
Адыги	Пр	**26,60**	**4,235**	**22,35**	**2,834**	3,730	0,001
	Дф	**22,70**	**5,151**	**15,25**	**3,492**	5,353	0,000
	Ав	22,80	7,172	21,35	3,787	0,800	0,429

Примечание: Пр — предрешенный, Дф — диффузный, Ав — автономный статусы; жирным шрифтом выделены достоверно различимые параметры.

национальностей выявлено 11 различий из 24 параметров СЭИ, между юношами и девушками адыгской национальности — 18 различий.

В табл. 2 представлены результаты сравнительного анализа выраженности культурных ценностей у юношей и девушек разной национальности.

Анализ культурных ценностей показал, что для русских юношей и девушек наиболее значимы аффективная автономия и мастерство, для юношей — еще принадлежность, а для девушек — гармония. Для армян значимы принадлежность и равноправие, для юношей-армян — еще и мастерство, а для армянок — гармония. Для адыгов значимы принадлежность и иерархия, для юношей-адыгов — еще и мастерство, а для адыгеек –равноправие. Обращает на себя внимание, что у юношей независимо от этноса совпали две из трех значимых культурных ценностей — мастерство и принадлежность, у девушек совпадения не выявлено. По большинству ценностей между юношами и девушками были выявлены значительные статистически различия на уровне $p<0{,}001$.

Этап 2. Кластерный анализ.

В связи с выявленной значительной неоднородностью исследуемых выборок по половому признаку для возможности проведения факторного анализа в укрупненных группах мы провели кластерный анализ.

В выборке было выделено 4 кластера. Полученные значения по статусам СЭИ представлены в табл. 3, по культурным ценностям — в табл. 4.

Кластер 1 («Армяно-адыгский» кластер) — «Автономные мастеровые коллективисты» — самый крупный кластер, 53 респондента (44,17% от общей выборки, 20 армянок, 18 армян, 15 адыгеек). Дифференцированная, зрелая идентичность с высокими показателями эго-идентичности. Высокие значения культурных ценностей выявлены по равноправию, принадлежности, иерархии, мастерству и гармонии, средние — по аффективной и интеллектуальной автономии.

Кластер 2 («Русский женский» кластер) — «Аномично-гармоничный» — самый малочисленный кластер, 4 респондента (3,33% от общей выборки, 4 русские девушки). Низкие значения по всем культурным ценностям (кроме средних значений гармонии). По параметрам СЭИ респонденты 2-го кластера демонстрируют высокие показатели диффузной идентичности. В связи с малочисленностью из дальнейшего анализа эта группа была исключена.

Кластер 3 («Русский» кластер) — «Эгалитарные индивидуалисты-гедонисты» — второй по распространенности кластер (36 чел., 30,0% от общей выборки; 55,6% юношей и 44,4% девушек, все русские). Высокие показатели мастерства и аффективной автономии, средние — интеллектуальной автономии, принадлежности, равноправия, гармонии, низкие — иерархии.

Кластер 4 («Адыгский» кластер) — «Вертикальные коллективисты» — третий по распространенности кластер (27 чел., 22,5%) — доминируют адыги (20 чел., 74,1%), 5 адыгеек (18,5%), два армянина (7,4%). Очень высокие показатели мастерства, принадлежности и иерархии, высокие — равноправия, интеллектуальной автономии и низкие — аффективной автономии и гармонии.

Таким образом, все русские юноши (100,0%) вошли в третий кластер, русские девушки — во второй (исключенный для дальнейшего анализа) и третий кластер, армяне — большинство (18 чел., 90,0%) в первый кластер и 2 чел. (10,0%) — в четвертый кластер, все армянки (100,0%) — в первый кластер, все адыги (100,0%) — в четвертый кластер, большинство адыгеек (15 чел., 75,0%) — в первый, 5 чел. (25,0%) — в четвертый.

Таблица 2. Средние значения культурных ценностей у юношей и девушек разных национальностей

Table 2. Mean Values of Cultural Values among Young Men and Women of Different Nationalities

Национальность	Ценность	Юноши		Девушки		Показ. стат. разл.	
		Средн.	Стд. откл.	Средн.	Стд. откл.	*t*	*p*
Русские	Иерархия	**4,94**	**0,336**	**2,97**	**0,285**	19,991	0,000
	Мастерство/ господство	**5,63**	**0,474**	**3,89**	**0,258**	14,468	0,000
	Аффективная автономия	**5,75**	**0,322**	**3,54**	**0,298**	22,534	0,000
	Интеллектуальная автономия	**4,71**	**0,227**	**2,71**	**0,265**	25,618	0,000
	Равноправие	**4,60**	**0,224**	**2,87**	**0,287**	21,265	0,000
	Гармония	4,18	0,217	4,22	0,232	0,562	0,577
	Принадлежность	**5,19**	**0,207**	**3,17**	**0,262**	27,044	0,000
Армяне	Иерархия	**5,45**	**0,284**	**5,90**	**0,203**	5,772	0,000
	Мастерство/ господство	5,72	0,323	5,56	0,219	1,833	0,075
	Аффективная автономия	**4,37**	**0,262**	**4,81**	**0,182**	6,101	0,000
	Интеллектуальная автономия	**4,34**	**0,285**	**4,64**	**0,184**	3,883	0,000
	Равноправие	**5,63**	**0,432**	**6,77**	**0,223**	10,444	0,000
	Гармония	**3,50**	**0,192**	**6,46**	**0,219**	45,503	0,000
	Принадлежность	**5,91**	**0,253**	**6,42**	**0,195**	7,061	0,000
Адыги	Иерархия	**5,45**	**0,261**	**5,80**	**0,173**	4,932	0,000
	Мастерство/ господство	**6,17**	**0,235**	**3,97**	**0,142**	35,813	0,000
	Аффективная автономия	**4,04**	**0,232**	**3,40**	**0,215**	8,967	0,000
	Интеллектуальная автономия	**4,53**	**0,229**	**2,80**	**0,159**	27,664	0,000
	Равноправие	**4,34**	**0,219**	**5,17**	**0,146**	14,032	0,000
	Гармония	**3,78**	**0,238**	**4,69**	**0,217**	12,639	0,000
	Принадлежность	**5,57**	**0,376**	**5,18**	**0,145**	4,388	0,000

Примечание: жирным шрифтом выделены достоверно различимые параметры.

Таблица 3. Средние значения параметров эго-идентичности у респондентов 4 кластеров
Table 3. Mean Values of Ego-Identity Parameters among Respondents in Four Clusters

Параметр СЭИ	Кластер	Средние показатели		Показатели стат.различий F, *p*; *t*, *p*
		Средн.	Стд.откл.	
Предрешенный статус	Кл1	21,96	2,828	F=58,860, p=0,000 Кл1/Кл3 t=8,801, p=0,000 Кл1/Кл4 t=5,832, p=0,000 Кл3/Кл4 t=11,704, p=0,000
	Кл2	24,50	3,000	
	Кл3	16,58	2,832	
	Кл4	26,81	3,823	
Диффузный статус	Кл1	16,89	4,051	F=24,214, p=0,000 Кл1/Кл3 t=2,044, p=0,044 Кл1/Кл4 t=5,463, p=0,000 Кл3/Кл4 t=6,745, p=0,000
	Кл2	26,75	4,500	
	Кл3	15,22	3,313	
	Кл4	22,44	4,766	
Автономный статус	Кл1	22,06	3,189	F=13,743, p=0,000 Кл1/Кл3 t=6,326, p=0,000 Кл3/Кл4 t=4,743, p=0,000
	Кл2	22,00	4,546	
	Кл3	17,50	3,542	
	Кл4	24,19	6,651	

Этап 3. Факторный анализ.

Далее в кластерах 1, 3 и 4 был проведен факторный анализ. Анализ результатов факторного анализа показал наличие выраженной специфики взаимообусловленной связи между культурными ценностями и параметрами эго-идентичности в 3 кластерах (рис. 1–2).

В 1-м кластере («Армяно-адыгский» кластер) выявлено 3 фактора (93,05% объясняемой дисперсии) взаимообусловленной связи культурных ценностей и статусов эго-идентичности (рис. 1). Факторообразующими переменными выступают: фактор 1 (45,07% дисперсии) — интеллектуальная автономия, усиливающая автономный и диффузный статусы СЭИ; фактор 2 (25,22% дисперсии) — предрешенный статус СЭИ, усиливающий ценность мастерства и интеллектуальной автономии; фактор 3 (22,76% дисперсии) — иерархия, усиливающая мораторий СЭИ.

В 3-м кластере («Русский» кластер) выявлено 2 фактора (89,87% объясняемой дисперсии) взаимообусловленной связи культурных ценностей и статусов эго-идентичности (рис. 1). Факторообразующими переменными выступают: фактор 1 (61,02% дисперсии) — принадлежность, усиливающая автономный и снижающая диффузный статус СЭИ; фактор 2 (28,85% дисперсии) — предрешенный статус СЭИ, усиливающий ценность мастерства и интеллектуальной автономии; фактор 3 (22,76% дисперсии) — диффузный статус СЭИ, усиливающий гармонию.

В 4-м кластере («Адыгский» кластер) выявлено 2 фактора (85,42% объясняемой дисперсии) взаимообусловленной связи культурных ценностей и статусов эго-идентичности (рис. 1). Факторообразующими переменными выступают: фактор 1 (46,39% дисперсии) — диффузный статус СЭИ, усиливающий ценность

Таблица 4. Средние значения культурных ценностей у респондентов 4 кластеров
Table 4. Mean Values of Cultural Values among Respondents in Four Clusters

Культурная ценность	Кластер	Средние показатели		Показатели стат.различий *t*, *p*
		Средн.	Стд.откл.	
Иерархия	Кл1	5,69	0,301	F=63,008, p=0,000 Кл1/Кл3 t=9,014, p=0,000 Кл3/Кл4 t=8,182, p=0,000
	Кл2	3,35	0,129	
	Кл3	4,02	1,080	
	Кл4	5,57	0,311	
Мастерство/ господство	Кл1	5,13	0,807	F=8,365, p=0,000 Кл1/Кл4 t=3,475, p=0,001 Кл3/Кл4 t=4,268, p=0,000
	Кл2	4,23	0,171	
	Кл3	4,82	0,995	
	Кл4	5,79	0,819	
Аффективная автономия	Кл1	4,23	0,632	F=6,244, p=0,001 Кл1/Кл3 t=2,434, p=0,019 Кл3/Кл4 t=3,636, p=0,001
	Кл2	3,65	0,252	
	Кл3	4,75	1,170	
	Кл4	4,00	0,349	
Интеллектуальная автономия	Кл1	3,98	0,824	F=3,005, p=0,033 Кл3/Кл4 t=2,135, p=0,037
	Кл2	3,05	0,129	
	Кл3	3,78	1,073	
	Кл4	4,25	0,661	
Равноправие	Кл1	5,89	0,767	F=59,429, p=0,000 Кл1/Кл3 t=11,116, p=0,000 Кл1/Кл4 t=7,930, p=0,000 Кл3/Кл4 t=4,467, p=0,000
	Кл2	3,25	0,129	
	Кл3	3,78	0,947	
	Кл4	4,66	0,598	
Гармония	Кл1	4,92	1,308	F=8,395, p=0,000 Кл1/Кл3 t=4,211, p=0,000 Кл1/Кл4 t=4,665, p=0,000
	Кл2	4,55	0,129	
	Кл3	4,16	0,195	
	Кл4	3,99	0,472	
Принадлежность	Кл1	5,86	0,561	F=44,346, p=0,000 Кл1/Кл3 t=8,210, p=0,000 Кл1/Кл4 t=2,629, p=0,010 Кл3/Кл4 t=6,822, p=0,000
	Кл2	3,55	0,129	
	Кл3	4,25	1,084	
	Кл4	5,58	0,384	

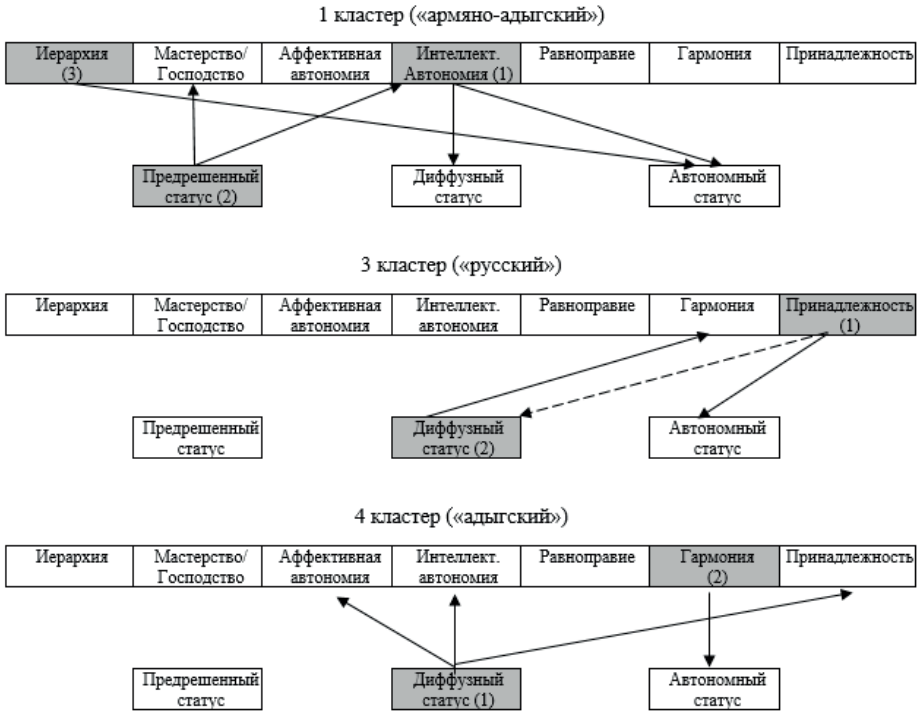

Рисунок 1. Особенности взаимообусловленной связи культурных ценностей и статусов эго-идентичности у респондентов разных национальностей

Figure 1. Characteristics of the Interdependent Relationship between Cultural Values and Ego-Identity Statuses among Respondents from Different Ethnic Groups

Примечание: в скобках указан номер фактора; СЭИ — статусы эго-идентиности, Пр — предрешенный, Дф — диффузный, Ав — автономный, серой заливкой обозначены факторообразующие переменные.

аффективной автономии, принадлежности и интеллектуальной автономии; фактор 2 (28,85% дисперсии) — предрешенный статус СЭИ; 2-й фактор, 39,03%) — гармония, усиливающая автономный статус СЭИ.

Анализ взаимообусловленной связи культурных ценностей и параметров СЭИ показал, что в 1-м кластере («Армяно-адыгский» кластер) выявлено 5 факторов (83,24% объясняемой дисперсии) взаимообусловленной связи культурных ценностей и параметров СЭИ (рис. 2). Факторообразующими переменными выступают: фактор 1 (31,70% дисперсии) — мастерство; фактор 2 (23,73% дисперсии) — гармония; фактор 3 (12,94% дисперсии) — предрешенность осмысленности целей, фактор 4 (8,31%) — диффузия осмысленности целей, фактор 5 (6,57% дисперсии) — автономия принятия настоящего. В двух факторах (55,42% дисперсии) факторообразующими переменными выступают культурные ценности (мастерство и гармония).

В 3-м кластере («Русский» кластер) выявлено 6 факторов (85,99% объясняемой дисперсии) взаимообусловленной связи культурных ценностей и параметров

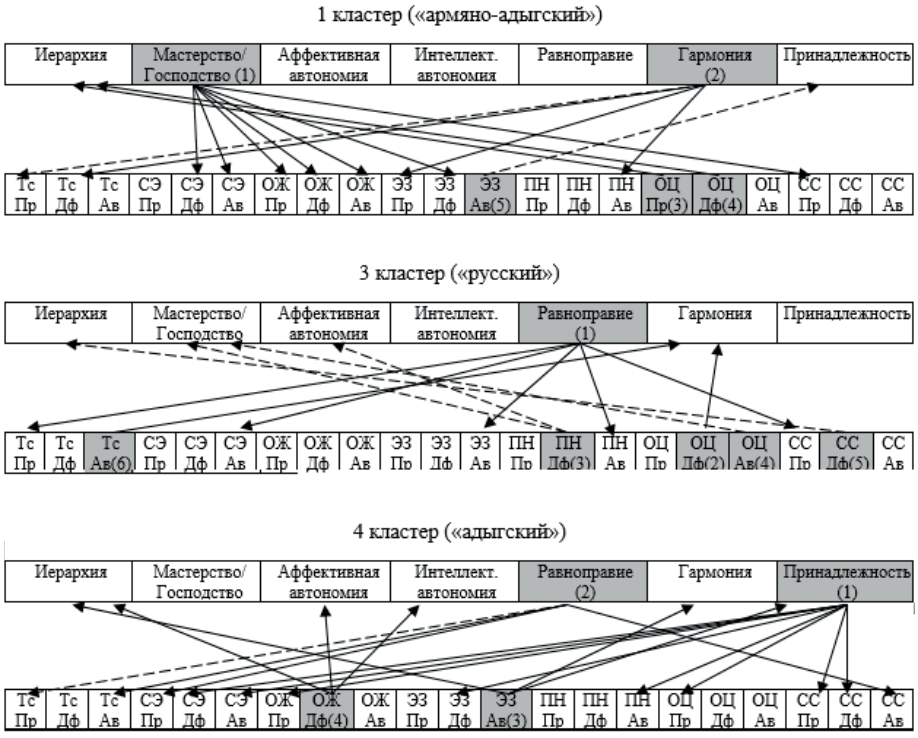

Рисунок 2. Особенности взаимообусловленной связи культурных ценностей и параметров эго-идентичности у респондентов 3 кластеров

Figure 2. Characteristics of the Interdependent Relationship between Cultural Values and Ego-Identity Parameters among Respondents in Three Clusters

Примечание: в скобках указан номер фактора; ТС — ответственность за выбор, СЭ — самодостаточность, ОЖ — осознанность жизненного пути, ЭЗ — эмоциональная зрелость, ПН — принятие настоящего, ОЦ — осознанность ценностей, СС — соответствие себе; Пр — предрешенный, Дф — диффузный, Ав — автономный, серой заливкой обозначены факторообразующие переменные; сплошная линия — положительное влияние, пунктирная линия — отрицательное влияние.

эго-идентичности (рис. 2). Факторообразующими переменными выступают: фактор 1 (38,68% дисперсии) — равноправие; фактор 2 (17,11% дисперсии) — диффузия осмысленности целей; фактор 3 (11,41% дисперсии) — диффузия принятия настоящего, фактор 4 (7,05% дисперсии) — автономия осмысленности жизни; фактор 5 (6,31% дисперсии) — диффузия самодостаточности; фактор 6 (5,45) — автономия ответственности за выбор. В одном факторе (38,68% дисперсии) факторообразующей переменной выступает культурная ценность «Равноправие».

В 4-м кластере («Адыгский» кластер) выявлено 4 фактора (90,74% объясняемой дисперсии) взаимообусловленной связи культурных ценностей и параметров эго-идентичности (рис. 1). Факторообразующими переменными выступают: фактор 1 (29,06% дисперсии) — принадлежность; фактор 2 (23,59% дисперсии) — равноправие; 3-й фактор (21,65%) — автономия эмоциональной зрелости; 4-й фактор

(16,43% дисперсии) — диффузия осмысленности жизненного пути. В двух факторах (52,65% дисперсии) факторообразующими переменными выступают культурные ценности (принадлежность и равноправие).

Обсуждение результатов

Высокие показатели предрешённости у всех респондентов отражают нахождение в нормативном кризисе юности, когда происходит отказ от «Я-прошлого» в пользу идеализированного будущего. Повышенная диффузность у армян и адыгов свидетельствует о более выраженных сомнениях и примеривании различных идентичностных образцов, что может быть связано с большей требовательностью социума к этим группам в плане скорейшего выхода из кризиса. Наибольшее число различий между юношами и девушками в адыгской выборке указывает на наиболее дифференцированные гендерные ожидания в этой культуре.

Кластеризация позволила выделить типологические профили, не совпадающие с этническими ярлыками. Кластер 1 («армяно-адыгский») сочетает высокие значения коллективистских (принадлежность, иерархия) и индивидуалистических (мастерство, равноправие) ценностей, что согласуется с исследованиями С. Закаряна (2020) о гибридной культуре армян и работами А. А. Шаова и В. Н. Нехай (2014) о трансформации традиционного адыгского этноса в условиях глобализации. Этот кластер демонстрирует наиболее дифференцированную и психологически благополучную структуру, где ценности выполняют регулятивную функцию, способствуя автономной идентичности при низкой диффузии. Кластер 3 «русский» ориентирован на гедонистические и конкурентные ценности, что соответствует западному типу молодёжной культуры, однако принятие иерархии отличает его от западноевропейского профиля. Кластер 4 «адыгский» отражает традиционную патриархальную культуру с акцентом на статус и успех, что может сопровождаться внутренним напряжением и подавлением эмоциональной близости.

Важнейший вывод факторного анализа — отсутствие дифференциации статусов эго-идентичности (предрешённый, диффузный, автономный) во всех кластерах — они всегда загружаются в один фактор. Это свидетельствует о незавершённости кризиса идентичности во всей выборке (по Эриксону). Однако формы кризиса различаются: в Кластере 1 — эклектичная, ценностно-насыщенная диффузия; в Кластере 3 — тотальная «схлопнутая» диффузия; в Кластере 4 — конфликтная диффузия с антагонизмом ценностей.

Сквозные закономерности для всех кластеров.

1. Недифференцированность незрелых статусов — предрешённый и диффузный статусы объединяются в одни и те же факторы (особенно в Кластере 1 и 4), что указывает на восприятие фиксации и сомнения как единого незрелого состояния.

2. Особая роль гармонии — эта ценность (противоположность мастерству) всегда ведёт себя иначе: в Кластере 1 она входит в традиционно-гармоничный блок с иерархией; в Кластере 3 изолирована и выступает как защитный механизм, поддерживающий зрелость; в Кластере 4 — часть традиционного блока, противостоящего мастерству. Гармония редко смешивается с незрелыми статусами.

3. Автономные статусы чаще связаны с ценностями, чем незрелые — зрелость требует ценностного обоснования, тогда как незрелость может существовать вне ценностной регуляции (Кластер 1) или быть смешанной с ценностями (Кластеры 3, 4).

4. Иерархия амбивалентна — в Кластерах 1 и 4 она поддерживает автономные статусы (вместе с гармонией), а в Кластере 3 слита с тотальной диффузией. Таким образом, её функция зависит от культурного контекста.

Специфика кластеров.

Кластер 1 (армяне и адыгейки) — «дифференцированная эклектика». Ценности распределены по двум блокам: эклектичный (мастерство, автономия, принадлежность) и традиционно-гармоничный (иерархия, гармония, равноправие). Это позволяет удерживать противоположности без конфликта. Связь со статусами: эклектика связана с автономными и диффузными статусами, но отрицательно — с предрешёнными; традиционно-гармоничный блок парадоксально сочетает разные статусы в разных сферах (ответственность — сомнение, эмоциональная зрелость — фиксация, принятие настоящего — зрелость). Наиболее выраженные связи — по шкалам Тс, ЭЗ, ПН, ОЦ. Это свидетельствует о высокой рефлексивности и сфере специфической регуляции.

Кластер 3 (русские) — «тотальная диффузия и кризис». Все противоположные ценности (кроме гармонии) слиты с недифференцированными статусами. Ценности потеряли регулятивную функцию. Гармония выступает как изолированный защитный ресурс. Фрагментарные связи отдельных шкал с ценностями указывают на попытки найти опору, но они не образуют целостной системы. Это может быть следствием интенсивных социокультурных трансформаций в российском обществе.

Кластер 4 (адыги-мужчины и часть адыгеек) — «конфликтная структура: зрелость через традицию». Чёткое противостояние модернистских (мастерство, интеллектуальная автономия) и традиционных (иерархия, гармония, равноправие) ценностей. Зрелость жёстко привязана к традиционному блоку, а модернистские ценности воспринимаются как угроза. Амбивалентное принятие автономии и принадлежности сопровождается незрелостью. Однако в отдельных сферах (ОЖ, ЭЗ, ПН, СЭ, СС) интеллектуальная и аффективная автономия могут поддерживать зрелость, что указывает на потенциальные точки интеграции.

Интегративная модель: континуум от наиболее интегрированной (Кластер 1) через кризисную (Кластер 3) к конфликтной (Кластер 4) структуре. Кластер 1 использует гибкую эклектику для совмещения традиций и модернизации; Кластер 3 переживает дезорганизацию ценностного пространства; Кластер 4 пытается сохранить идентичность через сопротивление изменениям.

Ограничения исследования: малочисленность кластеров, выборка студентов одного региона, невозможность генерализации на другие возрастные группы и этносы. Факторные решения носят разведочный характер.

Новизна работы состоит в выявлении не просто различий по отдельным ценностям, а типов структурной организации ценностно-идентичностных связей (дифференцированная, диффузная, конфликтная), которые не сводятся к этническим ярлыкам и определяют разные стратегии совладания с кризисом идентичности.

Заключение

Результаты эмпирического исследования подтвердили гипотезу о наличии этнических особенностей ценностных факторов эго-идентичности. Кластеризация и факторный анализ позволили выделить три основных типа ценностно-идентичностных структур:

1. Дифференцированно-эклектичный (армяне, армянки, большинство адыгеек) — гибкое сочетание традиционных и модернистских ценностей, зрелость достигается через разные ценностные комбинации в разных сферах.

2. Тотально-диффузный (русские) — ценности потеряли регулятивную функцию, идентичность не дифференцирована, гармония выступает как изолированный защитный ресурс.

3. Конфликтно-традиционный (адыги и часть адыгеек) — зрелость жёстко привязана к традиционным ценностям, модернистские ценности воспринимаются как угроза, но отдельные сферы допускают автономию.

Практическая значимость: учёт выявленных структур позволяет разрабатывать адресные программы психологического сопровождения: для русских студентов — восстановление дифференциации ценностей и статусов, развитие рефлексии; для адыгов — интеграция модернистских ценностей без потери этнической идентичности; для армян и адыгеек — укрепление гибкости с осознанием противоречий. Полученные результаты дополняют представления о культурной детерминации идентичности и обосновывают необходимость индивидуализированного подхода в работе со студентами поликультурного региона.

Библиографический список

Антух, Г. Г., Гукова, А. В., Петренко, А. Н. (2020). Парадокс эго-идентичности: от человека до нации. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 55, 47–58. DOI: 10.17223/1998863X/55/6

Берлизева, А. В. (2022). Личностные детерминанты переживания кризиса идентичности в ранней зрелости. *Актуальные исследования*, 48(127), 81–83.

Величко, Г. А. (2021). Система ценностей современной молодёжи и особенности её патриотического сознания. В *Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления. Материалы международной научно-практической конференции* (с. 166–169). Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова.

Гасанова, С. А. (2023). *Взаимосвязь этнической идентичности и ценностно-смысловой направленности студентов (на примере аварской, даргинской, кумыкской, лакской и лезгинской национальностей)* (кандидатская диссертация). Москва.

Гончар, И. Е., Стебляк, В. В. (2023). Исследование ценностных ориентаций современной российской молодежи. *Теории и проблемы политических исследований*, 12, 123–130. DOI: 10.34670/AR.2023.79.97.015

Закарян, С. (2020). Армянская идентичность в контексте искаженных форм индивидуалистической и коллективистской культур. *Журнал ЕГУ*, 11(1), 3–14.

Ерина, И. А., Абдуллаева, Н. И. (2021). Ценностные ориентации в аспекте гендерной идентичности студенческой молодёжи. *Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире*, 4, 22–31. DOI: 10.25586/RNU. V925X.21.04.P.022

Ермолова, Е. О. (2023). Личностные корреляты статусов эго-идентичности в юношеском возрасте. *Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал*, 3(80), 229–235.

Костина, А. В. (2009). Особенности идентичности в границах этнической, национальной, массовой культуры. *Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение»*, 4, 3.

Лебедева, Н. М. (2008). Ценности культуры, экономические установки и отношение к инновациям в России. *Психология. Журнал высшей школы экономики*, 5(2), 68–88.

Лебедева, Н. М., Татарко, А. Н. (2007). *Ценности культуры и развитие общества*. Москва: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики.

Охотникова, Е. А. (2016). Влияние культурно-ценностных ориентаций на формирование этнической идентичности. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, 11, 1716–1720.

Павлова, К. Н., Дагбаева, С. Б. (2024). Идентичность и ценностные ориентации студенческой молодежи в различных этнокультурных группах. *Психолог*, 6, 20–39.

Савина, О. О. (2011). Психологический анализ трансформации идентичности личности в подростковом и юношеском возрасте. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 4, 118–128.

Саткангулова, Г. Ж., Константинов, В. В. (2024). Исследование социально-психологических особенностей этнической идентичности жителей приграничных регионов России и Казахстана. *Человеческий капитал*, 8(188), 155–161.

Солдатова, Е. Л. (2006). Динамика эго-идентичности и представлений о будущем в нормативных кризисах взрослости. *Психологическая наука и образование*, 2, 16–30.

Солдатова, Е. Л., Шляпникова, И. А. (2015). Связь эго-идентичности и личностной зрелости. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*, 8(1), 29–33.

Стефаненко, Т. Г. (2014). *Этнопсихология: учебник для вузов*. Москва: Аспект Пресс.

Торабаева, М. Х. (2022). Роль ценностных ориентаций в формировании опосредованной взаимосвязи между социальной и экзистенциальной идентичностью. *Мир науки. Педагогика и психология*, 2(10), 1–14.

Шаов, А. А., Нехай, В. Н. (2014). Социоинтегративный потенциал традиционной культуры адыгов в условиях глобализирующегося мира. *Власть*, 5, 98–103.

Шварц, Ш. (2008). Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 5(2), 37–67.

Эриксон, Э. (1996). *Идентичность: юность и кризис*. Москва: Прогресс.

Mann, M. (1993). *The Sources of Social Power: Vol. 2, The Rise of Classes and Nation States 1760–1914*. Cambridge: Cambridge University Press.

Marcia, J. E. (1996). Identity in Adolescence: A Formulation and Four Statuses. *Psychological Bulletin*, 9(1), 93–120.

Статья поступила в редакцию 04.04.2026
Статья принята к публикации 02.06.2026

ETHNIC PECULIARITIES OF CULTURAL VALUE FACTORS OF PERSONALITY EGO-IDENTITY IN YOUTH

E. V. Kharitonova, B. N. Ivko

Evgeniya V. Kharitonova
E-mail: veha_2000@mail.ru. ORCID 0000-0002-8222-2162

Bogdan N. Ivko
E-mail: ivkobogdan@yandex.ru. ORCID 0009-0003-1877-0062

Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russia

Abstract. This article presents the results of an empirical study examining the ethnic characteristics of cultural value factors of an individual's ego-identity in young adulthood. It is shown that, in the context of globalization and intensifying intercultural interactions, the study of ethnic specificities in ego-identity formation is particularly relevant. Ego-identity, as a key component of personality, determines personal integrity, stability, and the capacity for social adaptation. The value factors underlying it are largely determined by the ethnocultural context. The study hypothesises that ethnic characteristics are manifested in the value-based factors of an individual's ego-identity in young adulthood. The study employed the Ego-Identity Structure Questionnaire (SEI-Test; Soldatova, 2015) and the Cultural Value Orientations Questionnaire (S. Schwartz, adapted by N. M. Lebedeva, 2004). The sample comprised 120 participants (20 male and 20 female representatives of Russian,

Armenian, and Adyghe ethnicity; aged 18–23). The findings reveal that the structure of value–identity associations among the Armenian men and women and most Adyghe women (Cluster 1) is differentiated and eclectic, with values exerting varying effects on different statuses; among Russian men and women (Cluster 3), it is wholly diffuse and crisis-ridden; among Adyghe men and some Adyghe women (Cluster 4), it is conflictual, characterized by a clear opposition between modernist and traditional values, with maturity attained through tradition. These identified characteristics broaden current understandings of both the ethnic specificities of ego-identity and the cultural factors influencing it. The empirical findings substantiate the need to consider students' ethnic and gender characteristics when organizing psychological support for ego-identity formation.

Keywords: ego identity, cultural values, ethnic groups, adolescence.

For citation: Kharitonova E. V., Ivko B. N. Ethnic Peculiarities of Cultural Value Factors of Personality Ego-Identity in Youth. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2026. Vol. 27. No 2. Pp. 82–98.

References

Antukh, G. G., Gukova, A. V., Petrenko, A. N. (2020). Paradoks ehgo-identichnosti: ot cheloveka do natsii [The Paradox of Ego-Identity: From Person to Nation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 55, 47–58. DOI: 10.17223/1998863Kh/55/6

Berlizeva, A. V. (2022). Lichnostnye determinanty perezhivaniya krizisa identichnosti v rannei zrelosti [Personal Determinants of Experiencing an Identity Crisis in Early Adulthood]. *Aktual'nye issledovaniya* [Current Research], 48(127), 81–83.

Ehrikson, Eh. (1996). *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moskva: Progress.

Erina, I. A., Abdullaeva, N. I. (2021). Tsennostnye orientatsii v aspekte gendernoi identichnosti studencheskoi molodezhi [Value Orientations in The Aspect of Gender Identity of Students]. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire* [Vestnik of the Russian New University. The series "Man and Society"], 4, 22–31. DOI:10.25586/RNU.V925X.21.04.P.022

Ermolova, E. O. (2023). Lichnostnye korrelyaty statusov ehgo-identichnosti v yunosheskom vozraste [Personal Correlates of Ego-Identity Statuses in Adolescence]. *Mir pedagogiki i psikhologii: mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal* [World of Pedagogy and Psychology: International Scientific and Practical Journal], 3(80), 229–235.

Gasanova, S. A. (2023). *Vzaimosvyaz' ehtnicheskoi identichnosti i tsennostno-smyslovoi napravlennosti studentov (na primere avarskoi, darginskoi, kumykskoi, lakskoi i lezginskoi natsional'nostei)* [The Relationship between Ethnic Identity and Value-Semantic Orientations among University Students: The Case of the Avar, Dargin, Kumyk, Lak, and Lezgin Ethnic Groups] (Candidate's Thesis). Moskva.

Gonchar, I. E., Steblyak, V. V. (2023). Issledovanie tsennostnykh orientatsii sovremennoi rossiiskoi molodezhi [Study of The Value Orientations of Modern Russian Youth]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 12, 123–130. DOI: 10.34670/AR.2023.79.97.015

Kostina, A. V. (2009). Osobennosti identichnosti v granitsakh ehtnicheskoi, natsional'noi, massovoi kul'tury [Features of Identity Within Ethnical, National and Mass Culture]. *Ehlektronnyi zhurnal "Znanie. Ponimanie. Umenie"* [Knowledge. Understanding. Skill], 4, 3.

Lebedeva, N. M. (2008). Tsennosti kul'tury, ehkonomicheskie ustanovki i otnoshenie k innovatsiyam v Rossii [Cultural Values, Economic Settings, And Aptitudes Towards Innovations in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal vysshei shkoly ehkonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 5(2), 68–88.

Lebedeva, N. M., Tatarko, A. N. (2007). *Tsennosti kul'tury i razvitie obshchestva* [Cultural Values and Societal Development]. Moskva: Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta — Vysshei shkoly ehkonomiki.

Mann, M. (1993). *The Sources of Social Power: Vol. 2, The Rise of Classes and Nation States 1760–1914*. Cambridge: Cambridge University Press.

Marcia, J. E. (1996). Identity in Adolescence: A Formulation and Four Statuses. *Psychological Bulletin*, 9(1), 93–120.

Okhotnikova, E. A. (2016). Vliyanie kul'turno-tsennostnykh orientatsii na formirovanie ehtnicheskoi identichnosti [The Influence of Cultural and Value Orientations on the Formation of Ethnic Identity]. *Nauchno-metodicheskii ehlektronnyi zhurnal "Kontsept"* [Scientific and Methodological Electronic Journal "Koncept"], 11, 1716–1720.

Pavlova, K. N., Dagbaeva, S. B. (2024). Identichnost' i tsennostnye orientatsii studencheskoi molodezhi v razlichnykh ehtnokul'turnykh gruppakh [Identity and Value Orientations of Student Youth in Various Ethnocultural Groups]. *Psikholog* [Psychologist], 6, 20–39.

Satkangulova, G. Zh., Konstantinov, V. V. (2024). Issledovanie sotsial'no-psikhologicheskikh osobennostei ehtnicheskoi identichnosti zhitelei prigranichnykh regionov Rossii i Kazakhstana [Study of Socio-Psychological Peculiarities of Ethnic Identity of Residents of Border Regions of Russia and Kazakhstan]. *Chelovecheskii capital* [Human Capital], 8(188), 155–161.

Savina, O. O. (2011). Psikhologicheskii analiz transformatsii identichnosti lichnosti v podrostkovom i yunosheskom vozraste [Psychological Analysis of the Transformation of Personal Identity in Adolescents]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [The Moscow University Herald. Series 14. Psychology], 4, 118–128.

Shaov, A. A., Nekhai, V. N. (2014). Sotsiointegrativnyi potentsial traditsionnoi kul'tury adygov v usloviyakh globaliziruyushchegosya mira [Social Integration Potential of Adygean Traditional Culture in Globalizing World]. *Vlast'* [The Authority], 5, 98–103.

Shvarts, Sh. (2008). Kul'turnye tsennostnye orientatsii: priroda i sledstviya natsional'nykh razlichii [Cultural Value Orientations: Nature and Implications of National Differences]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 5(2), 37–67.

Soldatova, E. L. (2006). Dinamika ehgo-identichnosti i predstavlenii o budushchem v normativnykh krizisakh vzroslosti [Dynamics of Ego-Identity and of Concept of Future in Normative Adulthood Crises]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2, 16–30.

Soldatova, E. L., Shlyapnikova, I. A. (2015). Svyaz' ehgo-identichnosti i lichnostnoi zrelosti [Correlation Between Ego-Identity and Maturity of Personality]. *Vestnik YUUrGU. Seriya "Psikhologiya"* [Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology"], 8(1), 29–33.

Stefanenko, T. G. (2014). *Ehtnopsikhologiya: uchebnik dlya vuzov* [Ethnopsychology: A University Textbook]. Moskva: Aspekt Press.

Torabaeva, M. Kh. (2022). Rol' tsennostnykh orientatsii v formirovanii oposredovannoi vzaimosvyazi mezhdu sotsial'noi i ehkzistentsial'noi identichnost'yu [Value Orientations as A Factor in Identifying the Mediated Relationship Between Social and Existential Identity]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology], 2(10), 1–14.

Velichko, G. A. (2021). Sistema tsennostei sovremennoi molodezhi i osobennosti ee patrioticheskogo soznaniya. In *Interpretatsionnoe nasilie nad istoricheskoi pamyat'yu i formirovanie kul'tury politicheskogo myshleniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (pp.166–169) [The Value System of Contemporary Youth and the Features of Their Patriotic Consciousness]. Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova.

Zakaryan, S. (2020). Armyanskaya identichnost' v kontekste iskazhennykh form individualisticheskoi i kollektivistskoi kul'tur [The Armenian Identity in The Context of Distorted Forms of Individualistic and Collectivistic Cultures]. *Zhurnal EGU* [Bulletin of Yerevan University E: Philosophy, Psychology], 11(1), 3–14.

Received 04.04.2026
Accepted 02.06.2026

© 2026 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license — https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/